

Серия «БЕСТСЕЛЛЕР»

Валерий Екимов

СЕКРЕТЫ нашего двора

Повесть

Новокузнецк
Издательство «Союз писателей»
2019

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)
Е45

Екимов В.

Е45 Секреты нашего двора : Повесть / В. Екимов. — Новокузнецк: Союз писателей, 2019. — 128 с. — (Бестселлер).

ISBN: 978-5-00143-039-1

Детство семидесятых с его романтикой предстаёт перед современным читателем, запутавшимся в нитях Всемирной паутины. «Мелькают спины, пятки, руки, головы, сердце перемещается, ухая одновременно по всему телу, в горло», и вот уже ты летишь навстречу неизвестности. Но тебе не страшно, ведь рядом верные друзья! Ты бегаешь по лесу, не оглядываясь по сторонам, и отважно лезешь в старый танк, помнящий Великую Отечественную войну. Ты бродишь по полям славы между поросшими травой воронками от снарядов, отдаёшь честь солдатам и простым жителям Ленинграда, не пожалевшим жизни ради мирного неба над твоей головой. Некоторые истории на страницах кажутся анекдотами. Другие напоминают о приключениях Тома Сойера и его друга Гекльберри Финна. Третьи дарят острые ощущения, которых так часто не хватает сегодня. Но все они рассказывают о дружбе, доброте, верности и чести, вызывая желание сесть в машину времени и самому пережить нечто столь же увлекательное.

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN: 978-5-00143-039-1

© Екимов В., 2019
© Издательство «Союз писателей», 2019
© ИП Суховейко Д. А., 2019

*Веришь? — «Во весь голос» — не хочу.
Кто я, чтобы быть Мессией!
Лишь о том сегодня не смолчу,
что люблю свою Россию
за её простую... простоту,
а ещё — нерасторопность
и смешную отрешённость
от ухода Мира в пустоту.*

ИЛИКИ

Секрет первый

Середина семидесятых.
Лето.
Полдень.

Верхнее плато Иликовских высот на западе от Питера.
Пустынно. Солнце жжёт нещадно.

Голое огромное поле с пика холма просматривается на многие километры. Прямо посреди него угадывается просёлочная дорога, основательно заросшая бурьяном. Похоже, машины всё-таки иногда пробираются здесь, сохраняя видимость колеи, но сейчас, покуда хватает глаз, никого нет. Лишь разноголосые кузнечики на все лады стрекочут, вознося хвалу жару, да ястреб величаво кружит высоко в небе.

Немного жутко.

До войны здесь процветала богатая шумная деревня, утопавшая во фруктовых садах. Как напоминание о былом богатстве и величии деревни всё пространство вокруг на многие километры усыпано сейчас островками одичавших, а потому низкорослых яблонь, вишен, слив, неуверенно-ситливо торчащих из-за высокой, в полный человеческий рост, травы и зарослей дикой малины. С трёх сторон к хол-

му подползает болотистый неухоженный лес, изборождённый многочисленными ручьями да канавами. Вода из них стекает в конечном итоге в неглубокую, с красной болотной водой речку Карасту, по большой дуге огибающую Иликовские высоты. На севере с пика холма во всей своей красоте и величии открывается темно-синяя «Маркизова лужа» — Невская губа Финского залива — с закрытым для посещения островом Котлин (г. Кронштадт) посреди и множеством маленьких островков с грозными крепостями-фортами вокруг него.

Здесь, на Иликах, во время блокады Ленинграда шли тяжёлые бои за Ораниенбаумский приморский плацдарм, защищавший тогда выход гитлеровцев к Кронштадту. Эти высоты постоянно переходили из рук в руки. Под высокой травой укрылись во множестве глубокие десятиметровые воронки от ударов тяжёлых бомб и снарядов. Здесь на каждый квадратный метр земли — до килограмма железа.

Тяжёлые шли бои.

Здесь жив страх... До сих пор.

О том напоминает людям и памятная стела у подножия холма на лесной дороге. К стеле по откосу глубокой воронки круто поднимается узкая бетонная лестница (Бог весть, где теперь, десятилетия спустя, те лестница и стела! Питерская кольцевая автодорога разорвала холм пополам...)

Мы всегда поднимаемся по бетонной лестнице, чтобы положить полевые цветы у постамента.

Нас пятеро: Шурик, Вавка, Тарас, Толстый и... я.

Нам — «...всем по семь-восемь всем...»

Впрочем, нет, нам слегка больше, давно за десять. У нас — каникулы. Ну, лето ведь. Родители наши, как и положено, на работе. А мы предоставлены сами себе, и потому двор и его окрестности — полностью наши...

А уж какие у нас окрестности!

Это и неопиcуемый по красоте парк (ныне, десятилетия спустя, — Дворцово-парковый ансамбль «Ораниенбаум»), открытый тогда круглосуточно для свободного посещения всеми желающими. В парке у нас в школьную пору проходят уроки физкультуры, рисования, природоведения, а, кроме того, все школьные субботники и трудовая практика по благоустройству его территории. Парк в городе Ломоносове — наше всё! Никому и в голову не придёт организовать в нём пикник или сделать ещё, не дай Бог, какое безобразие...

Это и огромный, около пяти километров в длину, Красный пруд — запруда реки, где мы купаемся днём и ночью с конца мая до середины сентября. Наш пруд и многоступенчатый рукотворный верхний водопад парка и теперь вполне неплохи, интересны. Жаль только: территория заросла немного, да пришли в негодность коммуникации некогда потрясающего архитектурным исполнением «сердца» — водопада. А ещё зачем-то спилили старые екатерининские липы, клёны да послевоенные великаны-тополя.

Это, конечно же, и расползающийся от города во все стороны на многие-многие десятки километров живой, дикий, настоящий лес, поджаты к городу Иликовскими и Вьюнковскими высотами-холмами.

Во Вьюнках — крутые снежные горки, широкие дорожки и тропинки под лыжню по относительно редкому сухому хвойному лесу. Это место мальчишеского притяжения зимой. А Илики, с их дикими садами, топкими ручьями и болотами, осыпавшимися со времён войны блиндажами и воронками манят вездесущую ребятню летом. До Вьюнков пять километров. Они обжиты и цивилизованы. До Иликов — по дороге десять, через лес по тропам — семь. Они пустынные и неизведанные. Вообще-

то, нам запрещено ходить сюда: «опасная зона». Во всяком случае, такое предупреждение написано на табличках при подходе к высотам. Но запретный плод всегда сладок, а значит, «...если нельзя, но очень хочется, то...»

Правильно: МОЖНО!

Летом мы — вольные люди: где хотим, там и лазаем!

Ну и правда, кто нас остановит?!

С 9.00 до 18.00 мы — хозяева города и, естественно, его окрестностей.

...Итак, нас пятеро!

Впрочем, это мы думаем, что пятеро.

— Ай, молодец! — хохочет Вавка, глядя с вершины холма вниз на взбирающуюся к нам заросшую дорогу. — Ну, давай-давай, чего уж там! Иди сюда, хватить разведчика из себя строить.

Мы удивлённо смотрим на пустынную дорогу, затем на Вавку, ничего не понимая, переглядываемся.

— Не дай Бог, — продолжает Вавка, — на гадюку в траве угодишь или гнездо ястреба побеспокоишь. Вон! Гляди вверх: сейчас спикирует!

— А-а-а! — вдруг слышим панический детский возглас.

Какой-то белобрысый малыш, в ужасе прикрыв голову руками, быстро несётся к нам, ко мне, и со всего маха врежется в мой живот.

— Опять ты? — наконец сообразив, возмущаюсь я и, не сдержавшись, хватаю его за ухо: — Серый, я ж сказал: сидеть дома, пока не вернусь. А ты что удумал?

Разведчиком — кто бы мог подумать?! — оказывается мой младший братишка, которому не то что «по семь-восемь всем», ему только-только шесть лет исполнилось. А, гляди-ка, какой шустрый оказался: увязался за мной на полигон — тайком, без спроса.

Ах ты, Боже мой!

А если б потерялся в лесу, пока, прячась, шёл сзади нас?

— Да-а, — канючит Серый, всхлипывая от боли и обиды, — что мне дома одному делать? А ты меня, кстати, давно на Илики обещаешь взять.

Ох, уж этот злосчастный июль.

Ну просто беда!

Все детские садики в городке закрыты — отпуск, ремонт, подготовка к новому учебному году. В результате от «мелюзги» во дворе деваться некуда! Ну, с этим-то обстоятельством ещё можно мириться — мало ли других мест в городе или за городом! А вот как быть с младшими братьями да сёстрами? Их куда девать? Мамка с тебя последнюю шкуру снимет, если вовремя не накормишь их, да не развлечёшь, да, не дай Бог, пожалуются: мол, обижают их, бедненьких, в игру не берут. Хорошо Шурику: у него сестра — его близнец-ровесник. Она — сама по себе, он — сам по себе. Ещё неизвестно, кто из них за старшего на хозяйстве остаётся. А Тарасу и Толстому вообще повезло: они сами — младшие в своих семьях. Чуть что-то не так — вали всё на старшего и будешь в шоколаде! Вот только Вавка из всей моей честной компании один меня и понимает: у него брат Димка младше моего Серого, да ещё сестрёнка — вообще грудничок. Возможно, оттого он эту «мелюзгу» лучше всех нас знает, сердцем чувствует. А они... его любят и слушаются.

— А ты чего лыбишься? — отпустив, наконец, Серого, накидываюсь на Вавку. — Смешно ему, видите ли. Мог бы и раньше его заметить.

— Да я и заметил, — не поддаваясь моему тону, улыбается тот, — да жалко его стало, вот и присматривал, пока по лесу шли. Ну а теперь — чего уж там? Пусть вместе с нами первооткрывателем дальних воронок будет.

— Как давно? — не унимаюсь, прищуривая глаза.

— Да ещё у Красного пруда! — не обращая внимания на мою воинственность, смеётся Вавка. — Он там так потешно топал да за деревьями ползал! Трудно, знаешь ли, не заметить.

— Врёшь ты всё, Вавка! — искренне возмущается Серёжка. — Ничего ты не слышал и не видел.

— Да-да-да, — добродушно отвечает тот, — совсем ничего. Вот только места здесь глухие, чуть с дорожки сойдёшь — потеряешься и не найдёшься. Я сам здесь когда-то долго на месте кружил, вот и приходится с тех пор всё видеть, всё слышать, — и, миролюбиво хлопнув братишку по плечу, добавляет: — Ты уж извини меня.

— Да л-ладно, п-проехали, — чуть заикаясь, доброжелательно машет рукой Шурик. — П-пусть с нами будет, тем более что действительно обещали п-показать Илики, ещё в прошлый раз.

— Угу, — радостно кивает Серый, победно и хитро глядя на меня.

— Только смотри, мелюзга, от нас — ни на шаг! Если что, будешь иметь дело со мной, — грозя увесистым кулаком, басит Тарас, которого за широкие плечи и мощные бицепсы у нас прозвали Амбалом.

— Угу, — с уважением кивает братишка и на всякий случай прячется за моей спиной.

— Та-а-ак, всё, хватит!... — тянет практичный Толстый. — С чего начнём экспедицию?

— Как — «с чего»? — забыв о неприятностях, оживаю я. — С малины, конечно.

— С малины, с малины, — радостно прыгает Серый. — Конечно, с малины!

Вообще-то, он у меня — нормальный парень. Не ябеда какой-то там, не интриган. Молчун — мамке лишнего не сболтнёт, можно не переживать. Не то что я: у меня язык сам

всю «подноготную» вываливает — только зацепи! В общем, всё, проехали, не сержусь. С Серым даже веселей — всегда что-нибудь новенькое выкинет.

— Я го-то-ов, — тянет Тарас, — подкрепиться никогда не помешает.

— Тогда — вперёд! — резюмирует Шурик и сворачивает к ближайшему малиннику, виднеющемуся тут же, неподалёку, в траве.

— Врёшь, не возьмёшь, — обгоняя всех, срывается с места невысокий, если не сказать — низкий, но самый шустрый Вавка, — я-а-а первый.

— Сто-о-ой, мо-о-ё! — кричим мы и не разбирая дороги мчимся все, как один, за ним вдогонку.

Впрочем, все — да не все.

Как раз в этой ситуации мой Серый не спешит бежать за мной. Ну конечно: куда же я теперь от него денусь, вдали от дома? Ну не брошу же здесь на произвол судьбы! Его внимание, похоже, привлекает странное дерево, удивительным образом высунувшее из-под земли свою верхушку с противоположной от малинника стороны дороги. И вот, пока я нагонял Вавку, запрыгивал вслед за ним в малинник и набивал рот самой красной и спелой ягодой, мой братишка таки успел уже преодолеть приличное расстояние, прежде чем это обнаружилось. Лишь одна сивая головёнка и видна из высокой травы.

— Эй, Серый, стой! — кричу. — На-за-ад!

— Ви-и-ишня! — едва слышу сквозь разноголосую трель обнаглевших кузнечиков возбужденно-радостный голосёнок. — Тут ви-и-ишня!

И вдруг... Серый исчезает, словно сквозь землю проваливается. А спустя мгновение туда же, под землю, с давящим на ультразвуке шелестом и писком проваливается неуловимая чёрная тень.

На доли секунд всё как будто замирает. Даже бестолковый треск больших кузнечиков, подрастающих в нашей местности до размера небольшой саранчи, прекращается.

Мы все застываем... в нелепой напряжённой позе гончей, что на картине, кажется, Серова, в новенькой «Хрестоматии по литературе», которую нам выдали в школьной библиотеке на следующий учебный год. Слышится треск веток, глухие удары, тяжёлое хлопанье крыльев, высокий, давящий сознание свист и испуганные писклявые вопли Серого...

Секундное замешательство, нерешительность — и вот мы одновременно стартуем со своих позиций. Самым коротким путём, напролом, не разбирая дороги мчимся что есть сил! В какой-то точке движения выстраиваемся в некое подобие журавлиного клина, во главе которого первым на торчащую из-под земли вишню, по понятным причинам, наступаю я. За мной чуть поодаль с двух сторон пристраиваются массивные Тарас и Толстый, соответственно за ними на флангах — наш спортсмен Шурик и вездесущий Вавка.

Полоса препятствий захватывает!

Мелькают спины, пятки, руки, головы. Сердце, ухая одновременно по всему телу, перемещается в горло. Вот только места здесь незнакомые, малоизученные, неисследованные. Что там, впереди? Бог весть! Густая высокая колючая трава цепляет за ноги, хлещет по лицу. Земля — вся в кочках, ямках, причудливо сплетённых корнях. Однако ничто не может отвлечь нас от безудержного броска к цели.

Сознание теряет ориентиры... Исчезает и чувство опасности.

И... первым из поля моего бокового зрения исчезает Шурик, за ним, с другой стороны клина, Вавка. Подсознательно чувствуя опасность, торможу, но два мощных удара в спину придают ускорение. Что-то меняется: болезненные хлещу-